

но и основал новую для армянской фольклористики научную дисциплину. Своим трудом А. Т. Ганалаян фактически сделал большой научный вклад в советское армянское народоведение.

Перевод этого труда на русский язык приобретает иное значение. Это первый (к сожалению, пока единственный) случай, когда переводится на русский язык научный свод целого жанра армянского фольклора с исследованием и обширным научным аппаратом. Не только русские фольклористы, но и все читатели, которым доступен русский язык, смогут широко пользоваться русским вариантом свода армянских преданий как достоверным источником. Благодаря русскому переводу, армянские предания входят в международный научный оборот и становятся предметом сравнительного исследования, и, наконец, учитывая современные научные интересы в области международного изучения несказанных жанров фольклорной прозы и внимания к проблеме научной классификации преданий, отметим, что труд А. Т. Ганалаяна, несомненно, привлечет к себе внимание специалистов.

С. Б. Арутюнян

В. И. Молодин. Кыштовский могильник. Новосибирск, 1979, 180 с.

Одним из существенных пробелов в исследовании этнической истории народов Западной Сибири является недостаточная изученность эпохи позднего средневековья и нового времени, непосредственно смыкающихся с этнографической современностью. Письменные источники XVII—XVIII вв. при всей их информативности не дают, как правило, полного представления о материальной и духовной культуре населения, которое в них упоминается. В этих условиях первостепенное значение приобретают целенаправленные раскопки поздних археологических памятников, вещественные остатки которых с полным основанием могут быть названы палеоэтнографическими источниками. Именно так подходили к ним выдающиеся советские исследователи — С. И. Руденко, В. Н. Чернецов, А. П. Дульзон. Классическим примером подобного рода исследования стала работа А. П. Окладникова «Бронзовое зеркало с изображением кентавра, найденное на острове Фаддея» (1950 г.). В последующие годы появились интересные публикации по палеоэтнографии тувинцев (С. И. Вайнштейн, В. П. Дьяконова) и якутов (И. В. Константинов). Однако далеко не во всех районах Сибири обнаружены более или менее представительные палеоэтнографические комплексы. До недавнего времени к ним относились и Барабинская лесостепь на юге Западной Сибири, интенсивное изучение прошлого которой началось только в самое последнее время. Среди многочисленных открытых здесь памятников различных археологических эпох выделяется Кыштовский могильник, публикации и этнокультурной интерпретации материалов которого и посвящена рецензируемая книга.

Кыштовский комплекс, состоящий из двух могильников (Кыштовка-1, Кыштовка-2), исследован монографически. Могильник Кыштовка-2, описание которого составляет основную часть работы (глава I), насчитывает 140 курганов, в которых было найдено в общей сложности более 500 вещей. Среди них — орудия труда и предметы вооружения, украшения, детали конской упряжи, предметы личного обихода и, что особенно важно, монеты и счетные жетоны, благодаря которым могильник датируется довольно узким отрезком времени — концом XVII — первой половиной XVIII в. (с. 62). Сама по себе коллекция находок Кыштовского могильника весьма значительна — ничего подобного в Барабинской лесостепи и на сопредельных территориях до этого известно не было. Особенно ценно в ней то, что некоторые предметы представлены целыми сериями. Это позволило не только дать их подробную сравнительную характеристику, но и подойти к вопросам типологизации с учетом технологии производства (глава II). Разделы о проушных топорах (19 экз.), ножах (47 экз.), серьгах (47 экз.) и перстнях (39 экз.) представляют по сути дела первые детальные типологические разработки, имеющие важное значение для изучения материальной культуры народов Западной Сибири в недавнем прошлом. Уникальной находкой является металлическое зеркало с богато украшенной внешней поверхностью из кургана 80, по-видимому, среднеазиатского или иранского происхождения (с. 97—99).

Тщательный анализ погребального обряда и предметов сопроводительного инвентаря позволил поставить вопрос и об этнической принадлежности памятника (глава III). Следует отметить, что в условиях Барабинской лесостепи, являвшейся «местом контактов между несколькими этническими группами: хантов — с северо-запада, селькупов — с северо-востока, тюркоязычных племен (барабинских татар) — с юга и иртышских татар — с запада» (с. 3), это задача наиболее сложная и ответственная, требующая в первую очередь правильного методического подхода. Автор обоснованно считает, что на этом этапе исследования «во главу угла следует поставить анализ прежде всего погребального обряда», а затем «выделение в вещественном комплексе тех предметов, которые менее всего оказались бы подверженными влиянию русской материальной культуры, т. е. в большей степени сохранили бы в себе характерные черты, присущие определенной этнической группе» (с. 102, 103). Руководствуясь этим принципом, В. И. Мо-

